

Сергей КУЛАКОВ

Родился в 1964 году в Архангельске. Поэт, прозаик, драматург, переводчик. Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Сибирские огни», «Студия» (Германия), «Союз писателей» (Харьков), «Урал», «Журнал Поэтов», «Волга» и других, в американской, немецкой и украинской периодике.

Живет в Ялте.

ПРОБЛЕМА ЗЛА

Прогуливаясь однажды по кладбищу, я обдумывал мысль, которая с некоторых пор занимала меня. Скажете: не то место выбрал для размышлений?! Как знать, как знать... Впрочем, специально для обдумывания мыслей – какими бы глубокими или требующими уединения они не были – это спокойное место я не выбирал.

В одном финансовом учреждении нужный мне человек ушел на обеденный перерыв. Вопрос, который привел меня, требовал, чтобы я решил его именно сегодня. Нужно было дождаться того человека, и я решил прогуляться неподалеку, поджидая его; благо погода стояла довольно теплая. Была середина осени.

Повернув за угол, я увидел кладбищенскую ограду, распахнутые ворота, асфальтовую дорожку, ведущую внутрь сего царства мертвых. У ворот – небольшую группу людей, с венками и траурными лицами. Как-то само собой возникло желание побродить в тишине, среди могил. Я прошел мимо траурной труппы, ожидающей новопреставленного – единственного, кто честно играет свою роль в этой постановке. Ну, возможно, кое-кто из близких ещё не сфальшивит...

Жизнь, разбившись о кладбищенскую ограду, отступила, оставив погребенным тишину, покой, безмолвие – все это не подходило для мыслей праздных и легковесных, но было благотворно для неспешных, основательных размышлений. Побродив немного по чисто убраным дорожкам, разделяющим кладбищенскую территорию на кварталы – так и было начертано на указателях под цифрой, обозначающей номер каждого квартала (ну чем не город мертвых?!) – я присел на скамеечку. Сюда не доносились звуки внешней жизни, лишь ветер в вышине безмолвно раскачивал вершины печальных деревьев. Сквозь ограды могил, стволы деревьев и голые ветви кустов, очищенных осенью, я видел, как проплыла траурная процессия. Верно, те, у ворот,

дождались своего покойного. С другой стороны по дорожке брела одинокая фигура.

Кладбищенскую тишину нарушила ворона. Я задрал голову. Устыдившись, ворона спрыгнула с ветки и тяжело улетела прочь. Фигура, что брела по дорожке, оказалась стариком в длинном, темном пальто. Он подошел, сел на другой край скамейки. Я подумал: «Неужели скамеек тут мало?». Но скамеек действительно было немного...

– Отчего всё так? – сказал старик.

Я взглянул на него. Старик глядел в другую сторону. Мало ли вокруг нас чудаков?!

– Не знаете? – Теперь старик смотрел на меня.

– Вы о чём?

– Отчего всё так?

– Как?

– Хреново!

– Думаете?

– А вы – нет?

– Ну, с какой стороны поглядеть...

– Да с какой ни смотри, всё одно – гадость.

– Разве всё так плохо?

Старик сплюнул и выругался.

– У вас неприятности? – спросил я.

– Неприятности? Хмм... Неприятности... Можно подумать, у вас их нет. Вот скажите, вы вечно собрались жить?

– Вы это о чем?

– О чем, о чем; о смерти, разумеется!

– А-а-а, – наконец я понял, чем был недоволен старик. – Ну, знаете ли, пока не думаю об этом...

– А я вот думаю! С чего это я должен умирать? В том, что Адам с Евой натворили, я не принимал участия. И ведь никто не спрашивал меня: хочу ли я родиться на свет...

Я не желал поддерживать подобный разговор. Возможно, если не влезать в онтологическую дискуссию с этим чудаком, фонтан его скоро иссякнет. Но, похоже, старик не собирался останавливаться:

– Что это за Бог, который допускает такое? Да и вообще, есть ли Он?

Когда задают подобные вопросы, вы не имеете права молчать, если, конечно, вы не атеист.

– Вы не верите в Бога? – спросил я.

– В Бога, в Бога... В какого Бога? В доброго и всемогущего – нет.

– Отчего же?

– Весь мир во зле, – сказал старик. Думаю, он не подозревал, что цитирует апостола... – Если бы Бог, в самом деле, был добрый и всемогущий, Он не создал бы такого мира.

– Однако, после каждого дня творения, Бог утверждает: всё сделанное – хорошо. По-вашему Бог ошибается, а вы – нет?

– Может, Ему там и хорошо, а нам здесь – не очень!

– Ну, вы о Христе не забываете... Значит, здесь вам добра не пришлось изведать, а одно лишь зло?

– Ну, конечно, не совсем так... Да вот со смертью как быть? Это ведь наипервейшее из зол. Не согласны?

– Почему не согласен, очень даже согласен. Не согласен, что Бог создал смерть, да и зло. В Писании сказано: «Бог ненавидит всякое зло и всякую неправду».

– Ну а тогда отчего Он не уничтожит это зло? Пускай Он не создавал его, но ведь Он всемогущий, значит – может истребить зло. Или зло сильнее Его? Как прикажете понимать такое несоответствие?

– А ведь Он пытался...

– Когда же?

– Потопом.

– И не вышло ничего! Стало быть, зло – посильнее Бога, а?

– Как вы посмотрите на то, что Бог взял вас да и уничтожил?

– Но ведь я – не зло.

– А что есть зло?

– Ну, – старик задумался. – Может, дьявол – зло, смерть – это зло, грех – зло...

– Сам по себе дьявол – ещё не зло, но становится злом, когда начинает противоречить Богу, делать не то, что от него требует Господь. Понимаете?

– Не совсем.

– Зло не имеет сущности, оно есть противоречие требованиям Бога. По сути дела, зло – это состояние личности в момент, когда она отвергает предлагаемое Господом. Само слово «злодей» указывает на это, ведь злодей – ни кто иной, как делающий зло. Господь предлагает добродетели, однако личность, совершая злой акт, злодейство, делает иное, превращая Божию добродетель в грех. Каждый грех – это испорченная добродетель. Потому, задавая вопрос: «Что есть зло?» – мы удаляемся от истинного положения вещей, если хотите – лжем. Вопрос должен быть поставлен так: «Кто есть зло?» Ответ, как следует из вышесказанного: всякий, кто поступает не по заповедям Божиим. Поэтому я и сказал: как вы посмотрите на то, что Бог уничтожит вас? Или станете утверждать, будто никогда противоречащее заповедям Его не делали?

Старик молчал. Такого поворота событий он не ждал.

– Всё дело в свободе выбора, – продолжал я. – Ангелам и человеку Бог дал возможность выбирать. Адам сделал неверный выбор, он и породил боль, старость, смерть.

– Но ведь зло не от Адама? – спросил старик. Кажется, он начинал понимать глубину вопроса.

– Нет, но совершив злой акт, Адам свел зло из мира ангельского, где оно было порождено, в мир земной. Только вместо покаяния, Адам начал попрекать Господа негодной женой. Этим он вошел в конфликт с Богом, а те, кто входят в конфликт с Богом, немедля попадают под власть дьявола, который породил этот конфликт. И Адам, и сатана вместо смирения выбрали гордыню, которая – корень греха и бунт против Бога.

– Стало быть, уничтожить зло Бог не желает, именно потому, что Он Добр?

– Теперь понимаете? Для Бога уничтожить зло – это значит уничтожить свое творение, чего так желает дьявол.

– Так как же быть?

– Теперь самое время Христа вспомнить! Ведь Он, по сути, восставливал для Бога падшего Адама, являясь человеком по плоти. После Него никто не может сказать Богу: Ты не был в нашей шкуре! Был! И страдал со всей полнотой страдания. Но ещё Он нам путь показывал – путь страдания, путь крестный. Христос говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня»,

и ещё: «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». В мире зла, которое мы ежечасно умножаем, этот путь страдания, путь неделания зла – единственный, чтобы прийти вновь к Богу. Этот путь не выдуман людьми, но показан нам самим Господом. «Отвергнись себя» звучит по-особому: человек должен преодолеть себя, преодолеть последствия владычества дьявола над собой, перестать противоречить Творцу. «Если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним».

– Так-то оно так, – вздохнул старик. – Но смерть...

– А что смерть? Бог благо творит, давая возможность умереть телу, зараженному грехом и деланием зла. Таким образом, смерть становится преградой злу, не абсолютному, конечно, но исходящему от конкретного человека. А для конца зла абсолютного возведено о Втором пришествии, надеюсь, о нем не забыли? Господь, ограничивая Зло и Смерть (припомните воскресение мертвых!), заставляет их работать Добру, ясно показывает: Он есть истинный Бог и Творец всего. Посему зло и смерть, существующие в мире, вовсе не отрицают ни промысел Божий, ни возможностей Создателя, напротив, они вопиют о том, что живет Господь, и Он способен обращать на благо всякую ложь, которая сама по себе губительна и смертоносна

Взглянул на часы – пора было идти. Повернулся к старику, но его не было. Я отнесся к этому удивительно спокойно и проснулся. Значит, я задремал на кладбищенской скамейке и видел удивительный сон. Но был ли он сном? Я поискал взглядом: вокруг были могилы, ограды, деревья; по дорожке удалялась маленькая фигурка. Мне показалось, на ней было длинное, темное пальто...

РАЗБОЙНИК И МОНАХ

Старый монах возвращался в скит после утренней службы в монастыре. Он очистил душу исповедью, принял Святое Причастие, и теперь шел через лес, радуясь и распевая песни, к землянке, которую вырыл много-много лет назад давно почивший отшельник.

Счастливого монаха увидел разбойник. Он подумал: «Видимо, собрал щедрую милостыню, оттого и радуется» и остановил его.

– Чему радуешься монах?

– Ко мне сегодня пришел Господь...

– Верно, Он дал тебе денег?! А Господь велел делиться с ближним, и с врагом своим – давай-ка сюда денежки!

И разбойник приставил кинжал к груди монаха.

– Ты ошибаешься, добрый человек, – сказал монах, – у меня нет денег. Разве станет богатый радоваться, как я, или станет он ходить один по лесу?

– Отчего ты думаешь, что я добрый? – спросил разбойник.

– Ты выглядишь разбойником и злодеем, но Господь говорит: в тебе больше добра...

– Заблуждаешься, монах, и Господь твой ошибается, мне человека убить – как сплунуть на землю.

– Господь не может ошибаться! – возразил монах.

– Увидим, – ответил разбойник и вонзил в грудь монаха кинжал. Даже деньги сейчас были не нужны злодею – гордыня затмила ему разум.

Монах упал на землю с кинжалом в груди.

– А сейчас чему радуешься, монах?

– Теперь я иду к Господу, – прошептал монах и умер. На светлом лице его застыла улыбка.

Разбойник ушел прочь. Он не стал даже обшаривать мертвое тело.

Ночью разбойнику привиделся убитый монах. Он молчал, улыбался, и глаза монаха светились прощением, покоем и чудным светом, который проникал прямо в сердце разбойнику. Тот проснулся со слезами на лице...

Монах каждую ночь приходил к своему убийце. Разбойник бросил страшное ремесло, принес смиренное покаяние и упросил, чтобы ему разрешили поселиться в землянке убитого им монаха. Здесь злодей, проливая слезы над своими прошлыми ужасными поступками, мало-помалу обратился в монаха, и убитый им старец наконец оставил душу своего убийцы в покое. Но разбойник, отвернувшийся от делания зла, не забывал монаха и каждую ночь просил Господа о милости к себе: мерзкому, недостойному. Он просил Бога о том, чтобы Он не дал ему

смерти тихой и мирной, но послал к нему жестокого убийцу, каким сам вышел когда-то из леса к тишайшему старцу.

Об этих чудных молитвах и немислимых просьбах к Господу рассказывали заплутавшие путники, которые оказывались в ночи у ветхой землянки отшельника. Он отдавал странникам всю свою скудную пищу, оставлял их спать на своем ложе из мха и листьев, а сам долгие часы молился неподалеку в лесу. Некоторые из них говорили, будто видели, как монах-отшельник светился мягким, тихим светом, когда под утро возвращался в землянку и ложился спать прямо на пол.

Молитва его исполнилась. Умирая, старец был счастлив, что прощен, и на вопрос убийцы: «Чему радуешься, монах?» Отвечал со страхом и радостью, готовясь войти в неведомые области:

– Теперь я иду к Господу...

СКИТ

Они обосновались на восточном склоне горы. Старой горы, далеко выползшей в море своими крутыми боками, которые напоминали окаменевшие ребра древнего животного, выброшенного на берег в незапамятные времена. Говорили, что давным-давно жило здесь несколько отшельников в норах, которые сами себе и выкопали в горе.

С западной стороны нигде нельзя было прилепиться к этим обрывистым, сыпучим, высохшим от древности склонам. А здесь – нашли небольшую площадку над берегом моря, заваленного крупными валунами, скатившимися когда-то вниз, и выстроили хижину из того, что смогли найти. Рядом, за густым кустарником, сочился родничок, который пересыхал в середине лета и опять появлялся с наступлением осенних дождей. От селения на берегу вела узкая извилистая тропка, то опускавшаяся почти к самому морю, то вновь поднимающаяся наверх. По ней приносили себе пропитание: овощи, хлеб и прочую скудную пищу. Ловили рыбу – уходили как можно дальше по берегу, пока путь не преграждали отвесные склоны горы; там забирались на камни, нависшие над морем, забрасывали вниз самодельные удочки... Мяса выпадало поесть редко, впрочем, и не рассчитывали они на разносолы, когда пришли сюда.

Откуда появились монахи – никто не знал. С людьми почти не общались. В селение приходили лишь затем, чтобы запастись пищей и водой, когда родник высыхал. Каждое воскресенье и в праздники шли они друг за другом, в черных своих рясах, в старую церковь к причастию. У церковной ограды молча стояли с жестяными кружками в руках, потупив взор, смиренно ожидая от мирян милостыни. Затем, крестясь, входили в церковь к обедне.

В общем, никому не мешали. Напротив, некоторым жителям было даже лестно, что рядом с селением объявились монахи, правда, тревожить их визитами никто не решался. Может оттого, что хижина, которую миряне гордо величали скитом, была значительно удалена от селения и единственный подход к ней даже летом не отличался удобством, а осенью и зимой узкую петлистую тропинку размывали дожди или заносил снег.

Так и жили монахи в добровольном отшельничестве. Мастерили из дерева поделки и продавали их за скромную плату на рынке по субботним дням. Жители селения не испытывали, как прежде, особенных чувств оттого, что где-то на склоне горы, куда не просто было добраться, обитали (непонятной для многих жизнью) трое монахов. С ними свыклись, как с древней горой, или восходом солнца, или сменой

лунных фаз, и уже по привычке, а не от любопытства селян позвякивали в жестяных кружках монетки...

Шло время. Один из монахов не выдержал уединения, безмолвия и бремени монашеского ига и оставил скит. Ушел, не попрощавшись с товарищами: в ночи, как вор, и как вор забрал скудный запас хлеба. Что стало с ним после — неизвестно. Ещё один позволил унынию овладеть собой. Он уже не верил так, как верил прежде, и не видел смысла в их служении, хотя внешне почти не роптал и покорно вставал в ночи на молитву, а днем, когда выполнял все необходимые работы по хозяйству, подолгу смотрел на горизонт моря уставшим взглядом. В эти минуты молитва не ткалась в его уме и душа переполнялась сомнениями... Он умер. Тихо, покойно — во сне. Он даже не чувствовал приближения смерти и не смог покаяться.

Тот монах, что остался, похоронил его за густым кустарником, поодаль от родника у склона горы. Он каждый вечер подолгу молился, прося, чтобы Господь помиловал усопшего.

Прошел год-два, а может, больше... На могиле с крестом, который монах смастерил сам, веревкой связав две палки, вырос куст сирени. Весною она благоухала, не давая старому монаху спать. Тогда зажигал старец огарок свечи пред потемневшими от времени образами Спасителя и Богородицы, и просил, просил Бога...

И Господь стал разговаривать с ним.